

Хинтон Чарльз Говард

**Воспитание воображения и
четвертое измерение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-20

Ч-20 **Чарльз Говард Х.**
Воспитание воображения и четвертое измерение / Хинтон Чарльз Говард – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 81 с.

ISBN 978-5-521-29133-5

ISBN 978-5-521-29133-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ч. Х. ХИНТОНЪ

ВОСПИТАНІЕ ВООБРАЖЕНІЯ

И

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Идеи Хинтона и ихъ приложение къ жизни

Три книги Хинтона, «Scientific Romances», составлены изъ популярныхъ статей и беллетристическихъ произведеній, которыя являются частью вступленіемъ къ его большимъ работамъ «The Fourth Dimension» («Четвертое измѣреніе») и «A New Era of Thought» («Новая эра мысли») и частью излагаютъ самостоятельныя идеи, не вошедшія въ большія книги. Такъ, въ этихъ небольшихъ произведеніяхъ мы видимъ идею вѣчнаго возвращенія («An Unfinished Communication» и «Stella»), которая сближаетъ Хинтона съ Фр. Питче, при всей разницѣ ихъ методовъ и путей мышленія.

Статья «Воспитаніе воображенія» является какъ бы мостомъ между западной и восточной мыслью. Эту статью можно назвать введеніемъ въ Раджа-Йогу. Воображеніе—эта та способность, которая больше всего имѣетъ значенія въ индійской мистикѣ, и которая больше всего въ загоу у европейской культуры. Хинтонъ стремится реабилитировать воображеніе и найти способы для его развитія и воспитанія. Мы воспитываемъ память, развиваемъ способность анализа, мышленія, но воображеніе у насъ до чрезвычайности бѣдно. Оно доходитъ до довольно высокой степени развитія у дѣтей (пока они могутъ «играть» и затѣмъ «мечтать»), а начиная приблизительно съ 14 лѣтъ, быстро падаетъ и почти исчезаетъ при соприкосновеніи съ «трезвой дѣйствительностью» и «реальной жизнью». Только любовью на время опять оживляетъ эту способность, но и любовью мы не умѣемъ пользоваться, и она очень скоро превращается въ «реальную жизнь». Между тѣмъ, эта «реальная жизнь» и «трезвая дѣйствительность»—обманъ, иллюзія. На самомъ дѣлѣ реаленъ только міръ чудеснаго—«пространство четвертаго измѣренія», а единственный путь

туда, это—воображеніе. Чтобы попасть въ этотъ міръ или найти его, мы должны сначала строить его въ своей фантазіи. Безъ этого онъ никогда не откроется намъ.

Очень интересна у Хинтона оцѣнка воображенія со стороны морали. Съ банальной точки зрѣнія воображеніе въ моральномъ смыслѣ—скорѣе отрицательная способность, во всякомъ случаѣ, опасная способность, потому что она заводитъ человѣка въ такія области, гдѣ его «мораль» подвергается большимъ искушеніямъ.

Но Хинтонъ беретъ все это совсѣмъ иначе. Онъ говоритъ:

Человѣкъ, привыкшій вызывать по желанію тѣ или другіе образы, будетъ менѣе зависѣть отъ переменъ душевныхъ настроеній.

Это значитъ, что человѣкъ, владѣющій своимъ воображеніемъ, могущій во всякую минуту вызвать тѣ или иные образы или воспоминанія, не будетъ зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Его душевные настроенія зависятъ отъ него самого. Обстоятельства не имѣютъ надъ нимъ такой власти, какъ надъ другими. Представимъ себѣ, что обстоятельства складываются такъ, что они должны вызвать неуверенность, уныніе, боязнь, страхъ.

Человѣкъ, не владѣющій своимъ воображеніемъ, попадаетъ во власть всѣхъ этихъ эмоций. У него нѣтъ средствъ для борьбы съ ними. И онъ страдаетъ и мучается, не зная что дѣлать.—И въ то же время человѣкъ, владѣющій воображеніемъ, окружаетъ себя образами своей фантазіи, и обстоятельства перестаютъ существовать для него. Индійская іога учитъ, что такимъ образомъ могутъ быть побѣждены реальныя опасности. Идея психическаго леченія основана на воображеніи себя здоровымъ. Народная мудрость всѣхъ странъ знаетъ, что во время эпидемій первыми заболѣваютъ и умираютъ люди, которые боятся. А люди, которые сохраняютъ хладнокровіе и спокойствіе, остаются живы и здоровы въ самыхъ опасныхъ условіяхъ. Но кромѣ этого, стоитъ только подумать, сколько нервной силы люди тратятъ на ненужное безпокойство, на тревогу, на мысли о воображаемой опасности. Это все случаи, когда воображеніе владѣетъ человѣкомъ. Воспитать воображеніе, это значитъ взять надъ нимъ власть. Обыкновенно вся жизнь человѣка проходитъ въ ненужныхъ страхахъ, въ ненужныхъ волненіяхъ, въ ожиданіи чего-то дурного.—Зачѣмъ? Если оно должно притти, оно придетъ.

Но сколько страданія создаютъ себѣ люди заранѣе, если даже ничто дурное на самомъ дѣлѣ не должно пересѣчь ихъ путь или, если они, все равно, не могутъ помѣшать тяжелымъ и болѣзненнымъ событіямъ, созданнымъ ими самими или другими въ прошломъ.

Способность владѣть своимъ настроеніемъ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ можно думать съ точки зрѣнія познанія истиннаго міра.

Это хорошо понимаютъ только на Востокѣ.

На самомъ дѣлѣ нашему познанію истиннаго міра больше всего мѣшаютъ нации «настроенія», неровность нашихъ душевныхъ состояній, внутреннее метаніе туда и сюда. И когда мы соприкасаемся съ людьми близкими къ мудрости Востока или читаемъ о нихъ, насъ поражаетъ ихъ спокойствіе, ровность, увѣренность. И мы чувствуемъ подъ этой спокойной внѣшностью огромную внутреннюю силу. И на самомъ дѣлѣ, одно безъ другого невозможно. Чѣмъ человѣкъ сильнѣе, тѣмъ онъ будетъ спокойнѣе. И наоборотъ, чѣмъ онъ спокойнѣе, тѣмъ онъ сильнѣе. Поэтому, создавая спокойствіе, человѣкъ создаетъ силу. И мы на Западѣ не представляемъ себѣ, какъ безконечно много мы теряемъ оттого, что не умѣемъ сохранить въ себѣ и поддерживать спокойствіе.

Есть два рода отношенія къ дѣйствительности. Во-первыхъ, человѣкъ можетъ стремиться измѣнить дѣйствительность, когда это возможно, приспособить ее къ своимъ желаніямъ. Это—внѣшняя активность. И во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ знаетъ, что дѣйствительность неизбѣжна и неотвратима, онъ можетъ стремиться измѣнить себя, приспособить себя къ дѣйствительности. Это—внутренняя активность. Первая возможна и разумна въ томъ случаѣ, когда внѣшнія явленія поддаются воздѣйствію. Вторая—единственно разумная во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда внѣшнія явленія не поддаются нашему воздѣйствію, идутъ помимо нашего желанія, очень часто вопреки ему, какъ переменна время года, явленія климата, атмосферическія явленія, историческія событія.

Обыкновенно человѣкъ, наивно смотрящій на жизнь, считаетъ, что въ ней гораздо больше явленій, поддающихся его воздѣйствію, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ есть. Ему кажется, что онъ очень многое можетъ измѣнить, очень на многое воздѣйствовать. Но это—иллюзія. На самомъ дѣлѣ въ мірѣ очень многое, почти все, предопредѣлено. И все, что мы можемъ дѣлать, это—стараться

предугадывать событія и свою роль въ нихъ и, такимъ образомъ, читать книгу жизни.

Изученіе міра съ точки зрѣнія высшихъ измѣреній показываетъ намъ, что явленій не зависящихъ и не могущихъ зависѣть отъ нашего воздѣйствія божконечно больше, чѣмъ мы думаемъ; что въ сущности всѣ значительныя явленія, историческія и т. п. совершаются гораздо раньше, чѣмъ мы ихъ видимъ; и когда мы подходимъ къ нимъ, такія явленія, уже предопредѣлены, какъ предопредѣлена завтрашняя погода. Но по отношенію къ погодѣ мы знаемъ, что не можемъ измѣнить ее, а по отношенію къ явленіямъ жизни думаемъ почему-то, что можемъ повліять на нихъ. Намъ даже оскорбляетъ мысль о нашей пассивности. Намъ кажется, что мы всегда можемъ что-то вложить въ событія, даже тогда, когда они въ сущности уже совершились, и только мы этого еще не видимъ. И мы напрасно тратимъ свои силы, которыя гораздо правильнѣе было бы сохранить для приспособленія своего внутренняго міра къ неизбѣжнымъ событіямъ. Нужно помнить, что большая часть событій совершается не тогда, когда мы видимъ ихъ совершающимися, а гораздо раньше.

Этому учитъ насъ міръ высшихъ измѣреній.

И если такъ, если признать эту точку зрѣнія, если допустить такую возможность, то особенно цѣннымъ становится все, что говоритъ намъ объ активности внутренней, о выработкѣ въ себѣ способности жить и мыслить и работать среди всякихъ условій, какія бы они ни были.

И во всѣ времена исторіи человѣчества люди понимали важность и цѣнность такого отношенія къ жизни и всегда высоко ставили мудрецовъ и философовъ, которыхъ не задѣвали и которымъ не мѣшали жить и думать внѣшнія событія, совершенно переворачивавшія души другихъ людей. Люди, даже тѣ, которые сами не владѣли этой способностью, всегда понимали, что способность сохранять ровное настроеніе, одинаково относиться ко всѣмъ событіямъ и перемѣнамъ, это—одна изъ высшихъ человѣческихъ способностей, больше всего показывающихъ силу духа. Эта способность совсѣмъ не означаетъ безразличія. Наоборотъ, это именно внутренняя активность. И люди всегда инстинктивно стремились къ этому, понимая, что такая способность избавитъ ихъ отъ тысячи ненужныхъ страданій.

Воспитаніе воображенія, о которомъ говоритъ Хинтонъ, даетъ необыкновенно практическій методъ къ нахожденію постояннаго равновѣсія и къ уничтоженію ненуж-

ныхъ тревогъ и страданій. Человѣкъ, который владѣть своимъ внутреннимъ міромъ, меньше подчиненъ внѣшнему міру.

И вмѣстѣ съ тѣмъ установленіе въ человѣкѣ способности спокойнаго и вдумчиваго отношенія къ событіямъ вмѣсто шервнаго, волнующагося и раздражающагося и способности понимать неизбежность событій, которыя раньше казались ему устранимыми и предотвратимыми, даетъ ему возможность видѣть въ вещахъ гораздо больше, чѣмъ онъ до сихъ поръ видѣлъ, охватывать умомъ сразу такіе ряды фактовъ, какіе раньше не умѣщались въ его сознаніи. Человѣкъ начинаетъ познавать новый міръ. Во всемъ старомъ онъ тоже находитъ безконечно много новаго. И предѣлы его внутренней активности настолько расширяются, что онъ съ изумленіемъ спрашиваетъ себя, какъ могъ онъ этому чудному міру предпочитать попытки внѣшней активности, мѣшавшей его познанію міра реальнаго, и все равно бесполезной, потому что онъ бился, какъ бабочка о стекло, о стѣну предопредѣленности, которой онъ раньше не зналъ.

Всѣ духовныя ученія всѣхъ временъ и народовъ одинаково указывали на необходимость достиженія внутренняго равновѣсія. Всегда признавалось, что безъ этого внутренняго равновѣсія невозможно никакое глубокое знаніе, никакое истинное развитіе. И только европейское мышленіе, отдѣливъ область знанія отъ морали, начало искать знанія, не думая о соотвѣтственной тренировкѣ духа. Хинтонъ возвращаетъ нашу мысль на правильный путь и на этомъ тѣсно сходится съ восточными ученіями.

Методы достиженія внутренняго равновѣсія составляютъ одну изъ главныхъ частей ученія іоги, при чемъ одна изъ іогъ, Раджа-Іога, больше всего говоритъ о развитіи воображенія и ставитъ эту способность на ряду съ правильнымъ мышленіемъ и съ познаніемъ истиннаго «Я».

Нѣкоторыя стороны системы Хинтона вызываютъ вопросы. Его упражненія съ кубами для развитія воображенія многимъ кажутся черезчуръ сухими, черезчуръ мало отвѣчающими главной потребности воображенія, т. е., яркости красокъ и эмоциональности. Эти упражненія съ кубами какъ-то нежизненны, мертвы, не могутъ «волновать воображенія», не могутъ давать пищу фантазіи.

И мнѣ кажется, что систему Хинтона нужно брать только, какъ схему. Понявъ эту схему, продѣлавъ нѣкоторыя упражненія для того, чтобы ее усвоить, человѣкъ

самъ найдетъ для себя форму упражненій, волнующихъ его воображеніе, возбуждающихъ его фантазію, самъ найдетъ «фигуры» гораздо интереснѣе кубовъ, на которыхъ онъ можетъ упражнять и изощрять свое воображеніе.

Эти «фигуры» должны имѣть прямое отношеніе къ жизни, касаться того, что больше всего дѣйствуетъ на воображеніе человѣка, радовать его, волновать своими комбинаціями, привлекать къ себѣ, заставляя жить своими сочетаніями и таящимися въ нихъ возможностями.

Нельзя и не слѣдуетъ предрѣшать, что выберетъ человѣкъ. Каждый долженъ подумать самъ, самъ долженъ найти, что его больше привлекаетъ и затѣмъ начать систематизировать, переставлять и комбинировать въ умѣ волнующіе его образы.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Человѣкъ любитъ книги, у него много цѣнныхъ и рѣдкихъ книгъ; или даже не рѣдкихъ, но цѣныхъ для него. Онъ мысленно можетъ разсортировать свои книги, мысленно разставить ихъ, переставить въ новомъ порядкѣ; можетъ мысленно представлять себѣ каждую книгу, вспоминать переплетъ, рисунки. То же самое можно дѣлать съ любыми предметами. Человѣкъ, любящій устраивать свой домъ, собирать рѣдкія вещи, произведенія искусства, картины, можетъ доставить себѣ безконечно разнообразныя упражненія воображенія, мысленно разными способами переставляя мебель, перевѣшивая картины и стараясь одновременно держать въ умѣ возможно большее число предметовъ и деталей. Онъ увидитъ, какъ это трудно, какъ это утомляетъ, какъ не приучено къ такой работѣ его воображеніе, которое онъ считалъ развитымъ, но которое въ сущности очень лѣниво и инертно. Человѣкъ, любящій путешествовать, можетъ мысленно повторять свои путешествія, стараясь вспомнить возможно большее число деталей. Любящій искусство, можетъ вызывать передъ своимъ умственнымъ взоромъ видѣнныя картинныя галлерей, выставки, проходить ихъ съ одного конца, потомъ съ другого, провѣряя себя по каталогамъ,—вспоминать по возможности во всѣхъ деталяхъ любимыя картины любимыхъ художниковъ и т. п. /Каждое искусство можетъ дать матеріалъ для развитія воображенія и сложныхъ зрительныхъ представленій, если имъ умѣть пользоваться съ этой стороны. Богатый матеріалъ можетъ дать изученіе фигуръ танцевъ, запоминаніе и представленіе ихъ въ умѣ, сложныя движенія рукъ, ногъ, тѣла, пальцевъ (въ индійскихъ танцахъ) и т. п.

У каждого человѣка найдется область, которая будетъ привлекать его, въ которой особенно легко будетъ дѣйствовать его воображеніе. Это почти то же, что мы называемъ «мечтаніемъ», но не совсѣмъ то. Въ мечтаніи нѣтъ системы и главную роль играетъ желаніе обладанія. Въ упражненіяхъ воображенія на первомъ планѣ стоитъ система и идея развитія воображенія; реальное обладаніе совсѣмъ не нужно. Человѣкъ можетъ устраивать себѣ воображаемый домъ, развѣшивать воображаемыя картины, разставлять воображаемую мебель, книги. Это даже лучше, потому что такимъ образомъ онъ не рискуетъ подвергнуться опасности «привязанности къ вещамъ», и это требуетъ большаго усилія воображенія.

Вотъ смыслъ «кубовъ» Хинтона.

Изученіе высшихъ измѣреній не является для Хинтона отвлеченнымъ занятіемъ, не связаннымъ съ жизнью. Наоборотъ, на этомъ изученіи онъ основываетъ мораль и все отношеніе къ жизни—и изъ этого же неизбежно вытекаетъ отношеніе къ смерти. Онъ раздѣляетъ «животную жизнь, идущую на той плоскости, гдѣ она находится, и «моральную жизнь», которая заключается въ стремленіи на высшую плоскость. Моральныя дѣйствія съ точки зрѣнія Хинтона, это тѣ дѣйствія и стремленія, которые ведутъ насъ въ высшіе міры, отраженіемъ или тѣнью которыхъ является нашъ трехмѣрный міръ, принимаемый нами за реальность. И однимъ изъ главныхъ средствъ этого восхожденія къ реальному является забытая способность воображенія.

Фантазія—вотъ ключъ къ міру чудеснаго и слѣдовательно къ міру истиннаго. Мы долго забывали о фантазіи, предпочитая ей дѣйствительность, которая совсѣмъ не существуетъ и есть одинъ сплошной обманъ, а въ концѣ концовъ обманываетъ насъ окончательно, расплываясь, какъ миражъ, въ моментъ смерти.

Счастливы тѣ, кто приготовитъ себѣ къ этому моменту другой міръ, куда онъ можетъ перейти, когда исчезнетъ этотъ.

П. Успенскій.

